

31 декабря 2000 журнал ЛИЦА

Лариса Алексеенко

Дмитрий ХВОРОСТОВСКИЙ: ИЗ РОССИИ С ТРИБЬЮТОМ

Когда-то он пел в ансамбле «Радуга» и был звездой микрорайона. Затем стал звездой института. Все студентки с первого по пятый курс Красноярского института искусств проявляли неподдельный интерес к высокому, статному красавцу, только что зачисленному на первый курс. Впрочем, роль первого парня на деревне была не для него. Масштаб личности обязывал к большему. И если и придавать значение той известности, то лишь как репетиции перед десятилетним звездным стажем певца с именем, которое сегодня известно всему миру – Дмитрий Хворостовский.

Как ни трудна для иностранного произношения эта фамилия, всем ценителям классической музыки пришлось научиться ее произносить довольно быстро. Времени на репетиции не было, поскольку Дмитрий Александрович провел блистательный блицкриг, зарубежье сдалось без боя, похоже, даже было радо такой буре и натиску сибирского парня.

Сейчас кажется, что все было классически просто: люди просыпаются знаменитыми, оказавшись в нужном месте в нужное время. Случай с Хворостовским не исключение. Всего-то один шаг до славы: из Красноярска в Кардифф. В 1989 году солист Красноярского театра оперы и балета победил на конкурсе

Би-би-си «Певец мира» и вместе с победой получил путевку в жизнь. Через год начался триумф российского баритона. Удивительной красоты голос, «самый прекрасный и изысканный, который сегодня можно услышать», как писала европейская пресса, эффектная внешность и блестящий лондонский агент, который по сей день специализируется на открытии русских талантов, – для начала блестящей карьеры были условиями необходимыми, но недостаточными. Без характера и жизненного опыта все эти карт-бланши могли оказаться невостребованными. К счастью, и то и другое за плечами этого парня было.

Благодаря этим качествам в его карьере появились контракты с лучшими оперными театрами и концертными залами, эксклюзивные девятнадцать альбомов, выпущенных компанией Philips Classics, Старый и Новый Свет, рыдающие под «Очи черные», и восторженная пресса, замечаящая: «Надо быть русским, чтобы так петь «Песни и пляски смерти» Мусоргского!»

Но блицкригу предшествовали другие события, а от новой жизни и славы Дмитрия отделяли четыре конкурса. На двух российских – Всероссийском конкурсе вокалистов и Всесоюзном конкурсе им. Глинки – он стал лауреатом первых премий, в Тулузе получил

Гран-при, а затем был Кардифф. Каждый раз повышалась планка состязания, и каждый раз независимо от результата все возвращалось на круги своя – в Красноярский театр оперы и балета, где трудовая книжка будущей мировой звезды лежала с 1985 по 1990 год. К моменту победы в Кардиффе певцу было что терять: разница между жизнью в Сибири и в Англии была очень ощутимой, а о возможности реализовать свой творческий потенциал и говорить нечего.

Видимо, с тех пор он привык ставить перед собой сверхзадачи. Сверхзадача – азарт его жизни. Сегодня он объясняет, зачем ему, состоявшемуся певцу, нужны сверхзадачи, объясняет, словно пишет рекомендацию восходящим звездам: «Для того чтобы преуспевающим певцом быть, нужно раздвигать границы собственных возможностей. Постоянно себя вздергивать, искать что-то новое, нет, даже не искать, а подводить себя к черте невозможного».

Он не просто завоевывал мир, он завоевывал невозможное – право не заигрывать, потакать публике, а исполнять только то, что ему было интересно. Есть вещи, которые он не будет делать никогда. Например, петь в авангардных постановках – не хочет быть мебелью для режиссера. Или принимать участие в новомодных дуэтах, популяризирующих классику.

Он был одним из первых, кому рекорд-лейбл предложил записаться дуэтом с Андреа Бочелли. Уговаривали в течение двух лет, а он отказался: «Я не могу работать с непрофессионалами». Естественно, благодаря этой записи певец мог бы стать миллионером. Но, потеряв деньги, он выиграл право на свой путь в искусстве. И создал прецедент, поскольку подобные отказы в наше время вызывают удивление обывателя.

В последнее время появились слухи об отказе спеть с Мадонной. Хворостовский называет их шуткой и стоит на своем, говорит, что не любит дуэты, если они не оперные. Да и голосом своим слишком дорожит, чтобы так банально его тиражировать.

Дмитрий Александрович – исполнитель тонкий. Музыка чувствует не фибрами души – нервными окончаниями. Делит ее не на хорошую и плохую, формулирует дипломатичнее: на талантливую и неталантливую. Жалуется, что неталантливая раздражает, но не психологически, а физически все его нервные окончания. После такого теста – проверено на Хворостовском – любое прошедшее испытание сочинение можно смело выпускать на сцену, промаха не будет.

Когда он спел «Очи черные», русские песни и романсы стали для иностранной публики классикой, а одноименный сольный альбом возглавил хит-парады самых продаваемых альбомов США и Европы. Но Хворостовский пел не только проверенный экспортный репертуар, но и вокальные циклы Георгия Свиридова. Первый показ «Отчалившей Руси» в 1994 году в Лос-Анджелесе, в оперном театре, был совершенной авантюрой. Цикл был сложен и для публики, и для исполнения. Позже Хворостовский то ли в шутку, то ли всерьез заметил, что два года восстанавливался после этой работы. Об исполнении

отдельный разговор: «Отчалившая Русь»

неимоверно трудна для баритона. Но Хворостовский сказал: «Мы попытаемся это сделать». И сделал. Издана исполнительская редакция Хворостовского – Аркадьева «Отчалившей Руси» при жизни и с подачи самого Свиридова. Затем была совместная работа над поэмой «Петербургские песни» на стихи Блока. Дмитрий и Михаил Аркадьев жили в Нью-Йорке, в апартаментах, постоянно созванивались с Георгием Васильевичем Свиридовым, обсуждали до тех пор, пока наконец не нашли компоновку блоковских стихотворений. И по обоюдному согласию пришли к выводу, что один из номеров поэмы, «Голос из хора», слишком трагичен. Поэтому он есть в записи, но в концертных программах звучит не всегда. Хотя, когда в Carnegie Hall «Петербургские песни» прозвучали в полном варианте, критики обратили особое внимание именно на этот апокалиптический номер.

Следует заметить, что западная критика в судьбе Дмитрия Хворостовского сыграла не последнюю роль. Начнем с того, что конкурс «Певец мира», с которого началась жизнь новой звезды, был телевизионным. Его появление сопровождалось ревью с заголовками Taking the West by a Storm, после дебюта в лондонском Wigmore Hall в 1989 году «Таймс» написала крылатое: пришел, спел, победил. Нью-йоркские критики были солидарны и наговорили массу профессиональных комплиментов после дебютного выступления в Alice Tully Hall. Словом, последний из «красных» баритонов произвел неизгладимое впечатление. Затем началось закрепление успеха. На следующий год последовали оперные дебюты в Nice Opera, La Fenice, Royal Opera House Covent Garden, Chatelet Theatre в Париже и Монте Карло, дальше радиус русской атаки увеличивался, он охватывал все новые и новые престижные сцены: La Scala, Carnegie Hall, Queen Elizabeth Hall, Wigmore Hall, Berlin State Opera, Bastille Opera. Его талант признавали. Но цена этого признания высока. Он говорит: «Талант – это ответственность и очень тяжелая работа».